

ПЛУТАРХ
О ДЕМОНЕ СОКРАТА

Участники диалога: Архидам и Кафисий

(Отрывки)

Фабула небольшого диалога состоит в рассказе Кафисия Архидаму (и его друзьям) истории переворота в Фивах в 379 году, когда демократы во главе с Пелопидом убили олигархов. Собственно речь больше касается тайного заговора демократов и потому рассуждений о предзнаменованиях и предчувствиях. В этом контексте возникает разговор о демоне Сократа, который представляет для нас интерес. Все действующие лица — из числа заговорщиков; из них для приведенного фрагмента существенен Симмий Фиванский, судя по всему, ученик Сократа, один из персонажей некоторых диалогов Платона.

9. <...> «Клянусь Гераклом, как трудно найти человека, свободного от суеверного чада. Одни подвержены этому против своей воли, вследствие

необразованности или душевной слабости, другие же, чтобы казаться какими-то особо выдающимися по богобоязненности, на каждом шагу ссылаются на божье волеизъявление, на сны, видения и тому подобный вздор, прикрывая этим то, что у них в действительности на уме. Кто причастен к политической деятельности, тому, пожалуй, бесполезно иногда прибегнуть к узде суеверия, чтобы направить на нужный путь суетную толпу или отвратить ее от чего-либо; для философии же такой ход мысли не только не приличествует, но и прямо противоречит ее обязанностям, если она, пообещав рассуждением научить нас доброму и полезному, обращается к богам как началу всех действий, словно пренебрегая всяческим рассуждением; презрев доказательство, свое основное отличие, она прибегает к гаданиям по снам и видениям, которые посещают одинаково и доблестного, и подлого. Потому-то, думается мне, ваш Сократ избрал более философский характер образования и речей, простой и бесхитростный, как более приличествующий человеку свободному и стремящемуся к истине, а весь этот философский дым и чад отбросил, представив его софистам». — «Что же, Галаксидор, — заговорил тут Феокрит, — значит, и тебя убедил Мелет в том, что Сократ пренебрегал верой в богов? Ведь именно в этом он обвинил Сократа перед судом афинян». — «Отнюдь не верой в богов, — ответил тот. — Не восприняв от Пифагора,¹

¹ Пифагор (540 — 500) — крупнейший философ, в учении которого действительно присутствовали элементы высокой мистики и магии. Родился на Самосе в эпоху тирании Поликрата, союзника египетского фараона Ама-

Эмпедокла¹ и других философию, преисполненную мифов, призраков и суеверия, он как бы вывел ее из состояния вакхического опьянения и обратил на искание истины посредством трезвого рассуждения».

10. «Хорошо, — сказал Феокрит, — но как же мы, дорогой мой, оценим демона Сократа — как ложную выдумку или иначе? Среди преданий о Пифагоре я не назову ничего, что так походило бы на мантику и суеверие: без преувеличения, подобно тому как Гомер представил Афины «соприсущной во всяком труде» Одиссею, так демон Сократа явил ему некий руководящий жизненный образ, «всюду предтекший ему, подававший совет и могучесть», в делах неясных и недоступных человеческому разумению: в этих случаях демон часто вступал в собеседование с Сократом, сообщая божественное участие его намерениям. Узнать об этом больше можно от Симмия и других товарищей Сократа. Но вот однажды, когда мы направлялись к гадателю Евтифрону — ты помнишь это, Симмий, — Сократ прохаживался наверху, у Перепутья и дома Андокида, ведя фило-

сиса. Много путешествовал, по преданиям, иногда апокрифическим, побывал в Египте, Вавилонии, в Иудее и в других древних странах. Переехав в Южную Италию, основал религиозную школу-братство; ему принадлежит теория чисел («природы всех вещей») и концепция бессмертия души — путем непрерывного переселения из одного живого существа в другое — метемпсихоз. (См. также: Либаний. «Апология Сократа», прим. к с. 208).

¹ Эмпедокл (ок. 495 — 435) — философ, считавший, что мир существует в борьбе сил любви и ненависти. Согласно легенде, бросился в кратер Этны, чтобы стать богом или погибнуть.

софскую беседу с Евтифроном, и подвергал его, по своему обыкновению, шутливому разгрому. Вдруг он остановился и так оставался некоторое время погруженным в себя, а затем свернул в сторону и пошел по улице Коробовщиков, подозвав к себе и тех спутников, которые уже отошли вперед, и сославшись при этом на полученное им указание от демона. Большинство, в том числе и мы с Евтифроном, пошли вслед за ним, но несколько юношей продолжали идти вперед, как бы желая изобличить демона Сократа, и увлекли за собой флейтиста Харилла, который приехал вместе со мной в Афины к Кебету. И вот, когда они проходили по улице Ваятелей мимо судебной палаты, им навстречу выбежало тесно сплоченное стадо покрытых грязью свиней. Посторониться было некуда, так что свиньи одних сбили с ног, других обмазали сплошь грязью. Пришел домой и Харилл весь в грязи, так что после этого случая мы всегда со смехом вспоминали, как всегда заботится о Сократе его демон».

11. «А как ты думаешь, Феокрит, — спросил Галаксидор, — имеет ли демон Сократа какую-то свою особую силу или же это просто частица тех общих необходимых условий, которые, определяя жизненный опыт человека, сообщают ему в неясных и не поддающихся разумному учету случаях толчок, направляя его поведение в ту или иную сторону? Подобно тому как малый груз сам по себе не отклоняет коромысло весов, но, добавленный к одному из уравновешенных грузов, уводит все в свою сторону, так чихание или тому подобный знак, хотя бы и ничтожный, может повлечь за собой решение, касающееся важных действий: когда встречаются два противоборствующих соображения, то, присо-

единившись к одному из них, такой знак разрешает безысходность, устранив равновесие, и отсюда возникает движение и сила». Это подхватил мой отец: «А ведь и в самом деле, Галаксидор, я слышал от одного мегарца, а он от Терпсиона, что демон Сократа — это не что иное, как чихание, свое ли собственное или чужое. При этом, если кто-либо другой чихнул справа, или сзади, или спереди, то это побуждало к действию, если же слева, то заставляло воздерживаться; собственное же чихание утверждало в намерении совершить намеченное действие, но удерживало от завершения того, что уже было начато. Станным мне кажется, однако, если он, в действительности исходя из чихания, говорил товарищам о каком-то побуждающем или сдерживающем демоне: было бы, друг мой, нелепой суетностью из-за какого-то внешнего шума — чихания — отказываться от заранее обдуманного действия, и это совершенно противоречило бы образу человека, которого мы считаем поистине великим и выдающимся среди людей своей мудростью. Все поведение Сократа отличалось целеустремленностью и решимостью, как бы исходя из единого твердого изначального суждения. Всю жизнь он провел в бедности, тогда как мог бы воспользоваться тем, что ему с радостью готовы были предоставить его друзья; он не поступился философией, пренебрегая всеми препятствиями; наконец, когда товарищи подготовили ему обеспеченный побег из тюрьмы, он не склонился на все их настояния, чтобы уйти от верной смерти, а встретил ее с непоколебимой твердостью решения, — все это свойственно не человеку, изменяющему свои намерения под влиянием случайных шумов или знаков, а тому, кто следует выс-

шему устремлению, ведущему к добру. Говорят, что и гибель сицилийского похода афинян Сократ предсказал некоторым из своих друзей; а еще ранее был такой случай. Периламп, сын Антифонта, раненый и взятый в плен после поражения афинян в битве при Делии, узнав от послов, прибывших из Афин с мирным предложением, что Сократ вместе с Алкивиадом и Лахетом¹ благополучно вернулись, совершив переход у Регисты, превознес Сократа похвалами и горько сокрушался о тех своих товарищах и соратниках, которым довелось, избрав после битвы путь возвращения, отличный от указанного демоном Сократа, пасть под ударами нашей конницы. Думаю, что и Симмий слышал об этом». — «Слышал нередко и от многих, — отозвался Симмий, — ведь именно этот случай особенно прославил в Афинах демона Сократа».

12. «Что же, Симмий, — сказал Фидолай, — позволим мы Галаксидору шутя сводить это высокое пророчество к чиханию и приметам, которыми забавляются по пустякам невежды? Ведь где налицо действительная опасность и трудные обстоятельства, там уже, по Еврипиду,

Железом, а не шуткой спор решается».

Галаксидор, однако, возразил: «С Симмием, если он сам слышал это от Сократа, я так же согласен, как и вы, Фидолай и Полимний, но то, что вы сами сказали, нетрудно опровергнуть. Подобно тому как во врачевании биение пульса служит малым знаком, много говорящим о состоянии больного, и как для

¹ Лахет — афинский стратег, погиб в 418 году в битве при Мантинее.

кормчего крик морской птицы или прохождение темного облачка предвещает бурный ветер и жестокое морское волнение, так для вещей души гадала чихание или голос, вещь сама по себе ничтожная, может быть знаком чего-то важного: ведь ни в каком мастерстве не забывают о том, что малое может предзнаменовать великое, и малочисленное — многое. Человек, незнакомый со смыслом письменности, видя немногие и невзрачные по форме начертания, не поверил бы, что знающий грамоту может извлечь из них сведения о великих войнах, происходивших у древних народов, об основаниях городов, о деяниях и судьбах царей, и сказал бы, что какой-то демон развертывает перед ним повествование обо всех этих делах исторического прошлого, и мы весело посмеялись бы над неразумием этого человека; смотри же, друг, как бы мы, не зная силы тех данных, которыми располагает мантика для суждений о будущем, стали неразумно выражать неудовольствие, если осведомленный в мантике человек делает из них выводы, касающиеся будущего, и при этом утверждает, что его действиями руководит не чихание и не голос, а демон. Тут я обращаюсь к тебе, дорогой Полимний. Ты удивляешься, что Сократ, более чем кто-либо из людей очеловечивший философию устранением из нее всякой напыщенной темноты, для этого своего знака избрал название не чихания и не голоса, а какого-то трагического демона. А вот я, наоборот, удивился бы, если бы такой мастер диалектики и владения словом, как Сократ, сказал, что получает знак не от демона, а от чихания; это то же самое, как если бы кто сказал, что его ранило копьё, а не посредством копья метнувший это копьё человек; или что тот

или иной вес измерен весами, а не сделавшим взвешивание человеком посредством весов. Ведь действие принадлежит не орудию, а человеку, который пользуется орудием для этого действия. <...>

20. Те продолжали углубленное исследование важного вопроса, поднятого Галаксидором и Фидолаем, — какова сущность и сила так называемого демона Сократа. Что ответил Симмий на речь Галаксидора, мы не слышали. Но нам он сказал, что как-то сам спросил об этом Сократа, но, не получив никакого ответа, больше не допытывался. Однако ему часто доводилось быть свидетелем того, что Сократ людей, говоривших о том, что им было явлено божественное видение, признавал обманщиками, а к тем, кто говорил об услышанном ими некоем голосе, относился с уважением и внимательно их расспрашивал. Это наблюдение побуждало нас при обсуждении между собой занимающего нас вопроса подозревать, что демон Сократа был не видением, а ощущением какого-то голоса или созерцанием какой-то речи, постигаемой необычным образом, подобному тому как во сне нет звука, но у человека возникают умственные представления каких-то слов, и он думает, что слышит говорящих. Но иные люди и во сне, когда тело находится в полном спокойствии, ощущают такое восприятие сильнее, чем слушая действительную речь, а иногда и наяву душа едва доступна высшему восприятию, отягченная бременем страстей и потребностей, уводящих ум от сосредоточения на явленном. У Сократа же ум был чист и не отягчен страстями, он лишь в ничтожной степени в силу необходимости вступал в соприкосновение с телом. Поэтому в нем сохранялась тонкая чувствительность ко внешнему воз-

действию, и таким воздействием был для него, как можно предположить, не звук, а некий смысл, передаваемый демоном без посредства голоса, соприкасающийся с разумением воспринимающего как само обозначаемое. Ведь когда мы разговариваем друг с другом, то голос подобен удару, через уши насильственно внедряющему в душу слова; но разум более сильного существа ведет одаренную душу, не нуждающуюся в таком ударе, соприкасаясь с ней самым мыслимым, и она отвечает ему, раскрытому и сочувствующему, своими устремлениями, не возмущаемыми противоборством страстей, но покорными и уступчивыми, как бы повинующимися ослабленной узде. И не следует удивляться этому, видя повороты тяжелых кораблей под воздействием малого кормила, или движение гончарного круга, которому сообщается равномерное вращение легким касанием оконечностей пальцев: предметы неодушевленные, но гладкие и подвижные по своему устройству, покорствуют движителю при каждом его толчке; а душа человека, напряженная бесчисленными устремлениями, как натянутыми струнами, гораздо подвижнее любого вещественного орудия. Поэтому она чрезвычайно расположена к тому, чтобы под воздействием умственного прикосновения получить в своем движении уклон в сторону задуманного. Ведь именно здесь, в мыслящей части души, начала страстей и устремлений, которые, вовлекаемые в ее движение, когда она поколеблена, уводят за собой и самого человека. Отсюда легко понять, какую силу имеет мыслительная часть: кости бесчувственны, жилы и мышцы наполнены жидкостью и вся масса составленного из этих частей тела лежит в покое, но как только в душе возникнет мысль и порыв к

движению, тело пробудится и, напрягаясь во всех своих частях, словно окрыленное, несется к действию. И нет причин полагать, что трудно или невозможно постигнуть способ, каким мыслящая душа увлекает за своим порывом телесный груз. Подобно тому как мысль, даже и не облеченная в звук, возбуждает движение, так с полной убедительностью, как мне кажется, могли бы мы предположить, что ум следует водительству более высокого ума и душа — более божественной души, воздействующих на них извне тем соприкасанием, какое имеет слово со словом или свет со своим отблеском. В сущности мы воспринимаем мысли друг друга через посредство голоса и слов, как на ощупь в темноте: а мысли демонов сияют своим светом тому, кто может видеть и не нуждается в речах и именах, пользуясь которыми как символами в своем взаимном общении люди видят образы и подобия мыслей, но самих мыслей не познают — за исключением тех людей, которым присущ какой-то особый, божественный, как сказано, свет. Если кто отнесется к этому с недоверием, то может почерпнуть некоторое дополнительное подтверждение в том, что происходит при звучании речи: воздух, оформленный в виде членораздельных звуков и превратившийся полностью в звучащие слова, доносит до души слушающего некую мысль. Что же удивительного, если воздух при своей восприимчивости, изменяясь соответственно с мыслями богов, отпечатывает эти мысли для выдающихся и божественных людей? Подобно тому как удары ведущих подземные работы, доносясь из глубины, улавливаются медными щитами в форме отголоска, а помимо этого затухают незамеченными, так речи демонов, разносясь повсюду, встречают

отголосок только у людей со спокойным нравом и чистой душой; таких мы называем святыми и праведниками. Простой же народ думает, что божества вещают людям только в сновидениях, если же это происходит с бодрствующими и находящимися в полном сознании, то это считают странным и невероятным: подобно тому как если бы кто считал, что музыкант, играющий на дурно настроенной лире, не сможет вовсе и прикоснуться к ней, когда она будет настроена правильно, эти люди не видят истинной причины кажущейся странности; заключается же она в их собственной настроенности и смятенности, от которой был свободен наш товарищ Сократ, как свидетельствует оракул, полученный его отцом, когда Сократ был еще ребенком; он гласил: предоставить мальчику делать все, что ему вздумается, ни в чем не насиловать и не ограничивать его склонностей и молиться за него Зевсу Покровителю и Музам, а в остальном не беспокоиться о Сократе, ибо он в себе самом содержит лучшего руководителя жизни, чем тысячи учителей и воспитателей.